

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2024-2025 УЧ. ГОД**

11 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1.

Напишите целостный анализ рассказа. Вы можете опираться на вопросы или выбрать свой путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст.

Опорные вопросы:

- 1) *Какую роль играет песня в рассказе?*
- 2) *Каким образом организованы авторские оценки героев рассказа?*
- 3) *Какую роль играет «разговорная» манера повествования?*
- 4) *Как Вы понимаете заглавие рассказа?*

**Марина Москвина
«КУДА БЕЖИШЬ, ТРОПИНКА МИЛАЯ...»**

Кто станет звать человека на Урале в маленьком городке Нижние Серги — Микаэл? С первой же встречи его переименуют в Михаила. И фамилию Караманян тут же превратят в Караманова. А то и просто в Карманова! Как это случилось с сапожником Микаэлом, неизвестно какими судьбами заброшенного сюда из Армении сорок лет тому назад.

Ровно сорок лет! Потому что в день, когда он объявился в Нижних Сергах и у пруда на улице Загорной основал свою первую в городе сапожную мастерскую, у Александра Ивановича Тягунова — учителя, соседа по Загорной, родился третий сын — Леонид.

Сейчас этот Леонид — мужик с бородой. А первое время ух как он надоедал дяде Мише! Зимой по сто раз на дню с вершины горы Кукан — на санках на всем лету — вжжих! — точно в дверь, в сапожную мастерскую!

Въезжал он в сапожную мастерскую и поздней осенью по легкому снегу и подмерзшей траве без всяких санок — в кирзовых сапогах. Подметки у них гладкие, скользят!

Летом Леня Тягунов к дяде Мише вкатывался. Ляжет поперек горы и летит вниз по колокольчикам. На Кукане колокольчиков — тьма! Задует ветер, и кажется, что они звенят. Но это не они, а колокольцы-ботала на шеях у коров. Коровы ходят кругом, по четырем горам, а ботала им для наслышки в лесу.

Одно в летнее время неудобство: вляпывался Леонид в коровьи лепешки.

— Учти! — раз и навсегда предупредил его дядя Миша. — В навозе не закатываться! Запрусь на шпингалет.

Леня учел и, если что, брал чуточку левее. Тогда он попадал не в мастерскую, а прямо в пруд.

Пруд с виду серый, коричневый. Это глубина. Потом он зеленый. В нем отражаются зеленые горы. Он синий по краям от синих ставен домов на улице Загорной. И свежоокрашенные лодки привязаны к колам на берегу.

Сядет Михаил за весла — неплотный, маленького роста, а лицо большое, будто даже не совсем от Мишиного туловища. Усы щепочкой, губы трубочкой, волосы за ушами и немного волосатый нос. Сядет и плывет на Плоский камень боровики собирать. Правда, у воды мало белых и

подъеловые очень далеко, зато много кульбиков, рыжиков, маслят и сухой груздь встречается у самого берега.

В первую свою нижнесергинскую осень кульбиков Михаил посолил — ведро! И боровиков посушил на суп. Времени у него было полно. Потому что переименовать Михаила в Сергах переименовали, а обувь пошить, даже починить у него что-то долго не решались. Пока дед Бирбасов на плотине не упал.

Случилось это накануне Дня учителя. Дед Бирбасов шел в гости в своих вечных яловых начищенных, очень хороших, с долгими мягкими голенищами — ни у кого таких не было! — сапогах. Дед ими страшно гордился, берег и носил с калошами.

И тут произошло неожиданное. Дед споткнулся, калоши отлетели!.. И оказалось, что подошвы бирбасовских несносимых сапог отлетели от деда Бирбасова вместе с калошами, словно дно от стакана!!!

Встал дед Бирбасов на плотине — в носках, яловые голенища уехали выше колен! Шляпа его поплыла по пруду. Но сам он не растерялся, не замельтешил. Наоборот: руки на груди скрестил, в белой бороде ветер!

Как раз Тягунов Александр Иванович мимо проходил. Он шляпу выловил — хорошо, ее к решетке прибило. А то вплавь бы за ней пришлось. А пруд зацветший, после двадцать пятого августа в нем вообще купаться нельзя. Говорят, в это время «лось в воду надудонил».

И калоши с плотины подобрал. Самое удивительное: те до того срослись с подошвами, что, по словам Александра Ивановича, между калошами и сапогами Бирбасова произошла ярко выраженная диффузия. Он же, Александр Иванович, направил деда Бирбасова в сапожную мастерскую.

Михаил сидел на кухне и кушал суп-харчо, когда с калошами в руках, босой, но в сияющих голенищах появился на пороге дед Бирбасов.

— Входи!.. Дорогой!.. Я ем суп-харчо — и ты садись ешь!

— Не хочу! — дед Бирбасов сел на табурет и протянул свои, как бы точнее выразиться, калошеподошвы.

— Что так расстроился? Состарились! Сносились!

— Это я, Михаил, — сказал дед Бирбасов, — состарился. И сносился.

— При чем ты?! Отец?! — вскричал Михаил. — У них свой век, у тебя свой!..

— Не, я давно загадал, — с толком-расстановкой говорит дед Бирбасов. — Как сапоги полетят — все.

— Какие дикие мысли, — воскликнул сапожник Карманов, — приходят в голову людям, когда отсутствует служба ремонта обуви!!!

— Михаил, ты меня не понял!..

— Отец! Твое дело поправимое!..

— Михаил!..

— Отец!.. Я к твоим чоботам приделаю новые головы! Пришью подошвы!.. Подкину подметки!.. Я их — Обсоюзу!!! Сносу не будет. Живем?

— Живем, — кивнул дед Бирбасов, в волнении с аппетитом принимаясь за суп-харчо.

История про сапоги с чьей-то легкой руки быстро прокатилась по Нижним Сергам. Конечно, были такие, которые смеялись, подшучивали над дедом. Особенно веселились они, когда он взял из мастерской сапоги — целехонькие! — и стал носить с теми же галошами.

Но главное, что Карманов на этом деле стяжал настоящую славу сапожника. Так что нижнесергинцы — народ, в общем, приветливый и дружелюбный, но не такой, чтобы, как говорится, душа нараспашку, — доверили Михаилу свою обувь.

Над входом в сапожную мастерскую появился плакат: «Ничто не обходится нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость. Сервантес».

К «Сервантесу» позже пришлось добавить «великий испанский писатель», поскольку некоторые нижнесергинцы не знали, кто это, и пошел слух, что Михаил не только шьет башмаки, но и еще делает серванты.

Сапожником он был, как говорится, от бога. Если вдруг — чего почти не бывало — башмак не получался, то Михаил не тратил времени на переделку, а просто выбрасывал его из мастерской во двор.

— Чтобы плохой башмак на свету не ходил, — говорил Карманов. — У нас в Вачагане, — вспоминал он свою Армению, — кувшин чуть-чуть выйдет кособокий, сам гончар заметит — больше никто! Кувшин во двор! И разобьет.

А когда Леня Тягунов в третьем классе под Новый год заболел свинкой, тридцать первого декабря вечером к ним домой пришел дядя Миша. И пока Леня спал, положил ему под елку самые настоящие ботфорты с высокими, за колено, развалистыми краями-раструбами да еще и с подколенной вырезкой!.. Точная копия тех сапог, в каких сто лет назад гарцевали на конях кирасиры.

Леня Тягунов, третий сын Александра Ивановича, главный в доме донашиватель вещей, штаны под грудью застегивал, носил длинный-длинный пиджак, перешедший к нему не просто от старшего брата — в нем еще средний походил! И тут первое в его жизни, что Леонид надел первый! Личные, собственные, одному ему принадлежавшие, ни разу никем до него не надеванные, не малые, не великие, а тютелька в тютельку с шерстяным носком! — были эти подаренные дядей Мишей ботфорты.

Но особенным спросом пользовались Мишины турботы — непромокаемые туристские ботинки на толстой мягкой подошве, красиво простроченные по швам. Причем шнуровка шла сзади от щиколотки до пол-икры. Магазиновые, фабрики «Уралобувь», им в подметки не годились.

Нижнесергинские грибники, туристы, охотники, рыболовы — да что там! И верхнесергинские, даже из Атига приезжали и из поселка Бисерть — все сгорали от желания приобрести такие турботы.

Карманов Михаил никому не отказывал, кроме троих человек, в том числе заведующему гаражом Анатолию Борисовичу Легалову, который из окна своего дома с верхнего этажа кирпичной двухэтажки палил из ружья по собакам, чтоб они ему ночью спать не мешали. Ладно, не ранил никого, не убил. Но Михаил Карманов никак не мог такого забыть. Он сочувствовал этим двум бродячим псам. Бродячими они стали, когда их хозяева из деревенских домов переехали в новые квартиры, а собак в старых дворах на привязи оставили.

Псы честно ждали дня два или три. Потом перегрызли свои поводки и в тот же миг из служебных, вернейших сторожевых превратились в бездомных и беспризорных. Всегда вдвоем, других собак в компанию не принимали; один глядит мягко, а второй твердо. Из-за второго, хотя он ни разу никого не тронул, к обоим относились с некоторой опаской.

Зато Тягунова Анна Степановна в пять вечера выносила для них на улицу шайку с густой наваристой похлебкой.

— Без опоздания прибывают, — всякий раз удивлялся Александр Иванович. — Как так — уехать и бросить животное! Да еще и на привязи! Дикость и бессердечие.

— То, что тебя, Аня, мучит совесть — это правильно, — вступал в разговор Михаил Карманов, который любил побеседовать с соседями на скамейке. — Это даже не твоя, Аня, личная совесть, — говорил он, — а общечеловеческая. За то, что человек приручил собак, а сам так с ними обращается.

Короче говоря, Легалову и тем двоим новоселам, бывшим хозяевам псов, — в Сергах-то ведь все друг друга знают! — в сапожную мастерскую путь был закрыт.

А этой троице, как назло, в охотничьем деле страшно важна была амуниция. К весенней охоте они начинали готовиться с самой зимы. А в ту зиму снега напало! Из каждого дома выходили по траншеям высотой два-три метра.

Возле сапожной мастерской раз ночью траншеею чуть не до верха двери снегом завалило. Так эти трое лопатами, можно сказать, из-под снега Карманова Михаила откопали — вот до чего им приспичило турботы у него заказать.

Только Михаил все равно их заказы не принял.

— Эх ты, — сказал ему Легалов. — А мы, дураки, тебя из-под снега откопали!..

— Хоть обратно закапывайте! — ответил Михаил. — У меня на вас духу нету!

— Нет духа, Миша, — а ты без него, за деньги! — предложил ему Легалов.

В ответ на это Карманов Михаил произнес фразу, ставшую крылатой в Нижних Сергах. — Без радости, — сказал он, — без праздника в душе нельзя заниматься сапожным делом.

Как хорошо было с ним, как быстро и весело шло время и как стали скучать по нему, когда он уехал. Все вспоминают, что делал он и что говорил. И как он был с иголочки одет: брюки на подтяжках, рукава рубашки на круглых резиночках, чтоб из-под пиджака не вылезали, на галстуке — заколка, позолоченный желудь. И всегда от него так приятно пахло жареным чесноком.

Александр Иванович подозревал, что дядя Миша не просто ел чеснок, но еще и натирался им.

— Так делают африканцы, — говорил Александр Иванович, — перед рыбной ловлей, чтобы отпугивать крокодилов. Запах жареного чеснока был и правда нездешний, как слова, которым дядя Миша давно научил Леню Тягунова, когда тот был маленький, и Леня их запомнил.

— Леня-джан! — говорил ему дядя Миша даже взрослому.

— Как будет по-армянски сердце?

— Сирт, — отвечал ему Леня.

— Как будет — будь здоров?

— Кенац.

— Кенац! — говорил дядя Миша соседу, старому другу Александру Ивановичу.

Погода стояла холодная, Александр Иванович часто хворал. Он уже не вел, как раньше, географию и физкультуру в школе, а только раз в неделю, в субботу, преподавал в десятом классе астрономию. Сыновья его все женились и разъехались, так что за лечебной малиной для Александра Ивановича в лес ездил Михаил Карманов. Два ведра привез. И ведро шиповника на засушку.

А потом отправился на почту и заказал разговор с Ереваном.

— Ереван, третья кабина, — крикнула из окошечка телефонистка Тезякова.

— Але, — сказал Михаил. А потом погромче: — Але!.. Ничего не слышно! — крикнул он Тезяковой.

Та сидела за стеклом с наушниками и микрофончиком.

— Не знаю почему. В Ереване ответили, — сказала Тезякова. — Я ее прекрасно слышу. Вам там кого?

— Наири Ашотовну, — сказал Михаил. — Фамилия Тарян.

— Наири Ашотовну Тарян! Нижние Серги на проводе. Ответьте. Она! Дядь Миш, говорите, я передам.

— Скажи!.. — попросил Михаил Карманов. — Микаэл говорил. Караманян!..

— Говорит Микаэл Караманян, — объявила она в свой микрофончик. — Только не сам, а я за него, телефонистка Тезякова. Что? Ничего. Ничего с ним не случилось. Вот он стоит. Жив-здоров. Дядь Миш, подайте голос.

— Наири!.. — сказал он.

— У него с вами связь не устанавливается! — кричала Тезякова. — Говорите, чего ей говорить?

— Скажи, я прошу ее стать моей женой, — велел Михаил Карманов.

— Он вас просит стать его женой!

— Что она говорит? — Она смеется. Спрашивает, какой вы сейчас?

— Скажи: все такой же! Ну... может, не точно, а... полутакой. Полутакой, как был сорок лет назад.

— Полутакой, как был сорок лет назад.

— Что она говорит?

— Она смеется.

— Дай мне послушать!

— Все, дядь Миш, — сказала Тезякова и повесила наушники на гвоздик.

У входа в здание аэропорта продавался лимонад. Народ пил его прямо из бутылок, издали смахивая на оркестр трубачей. Дворник остатками лимонада поливал асфальт. У него были матерчатые ботинки, уже не летние, хотя до осени жить да жить — без малого двое суток.

На аэродроме зажгли прожекторы. О, какой острый самолет покотил по взлётной полосе, вспыхивая огнями. Воздух за ним дрожит, поэтому кажется, все дрожит вокруг: лучи прожекторов, локаторы, тележки с багажом... По аэродрому идет пилот с портфелем. Будто обычный человек на обычную работу.

Справа в иллюминаторе Михаил Карманов видит крыло самолета, на нем написано: «Заземлить пистолет!». Крыло было неподвижным, увесистым, тусклым. Но только «Ил-18» тронулся с места, крыло ожило, приподнялось, напряглось. Оно пружинило, вздрагивало, готовилось и стало такое живое, что Михаилу Карманову почудилось, когда они взлетели, будто это его, Михайлово, как бы продолжение плеча.

Сосед листал ноты. Время от времени он останавливался на какой-нибудь странице и, как некоторые при чтении проговаривают вслух слова, тихо напевал.

А Михаил Карманов, теперь уж снова Микаэл Караманян, по дороге домой в Армению вдруг вспомнил, как, бывало, соберутся они в Сергах у пруда на Загорной: Александр Иванович, да он, да Петр Григорич Смолин, посидят, поговорят, и Петр Григорич начинает: Куда бежишь, тропинка милая, Куда ведешь, куда зовешь... Все мозги пропел ему этой песней.

— Куда бежишь, тропинка милая, — тихонько затянул Микаэл Караманян.

В окне огни смешались в темноте — то ли Серги, то ли Атиг, то ли поселок Бисерть — ничего не разберешь. Горят, как угли погасшего костра.

«Надо бы перекусить», — подумал Микаэл и вынул из пакета теплый еще пирожок — с капустой и яйцами.

Максимальный балл – 70 баллов.

ЗАДАНИЕ 2.

Какие памятники литературным героям Вы знаете? Где они поставлены? Знаете ли Вы авторов этих памятников?

Какой памятник литературному герою и где Вы бы предложили поставить и почему? Какой образ этого героя, на Ваш взгляд, должен создать скульптор, как этот образ можно создать приёмами скульптуры, какому эпизоду произведения этот образ может соответствовать?

Максимальный балл – 30 баллов.